

Иван Кондратьевич Бабст

Иван Кондратьевич Бабст (1824–1881) — российский историк, экономист и публицист. Родился в Воронежской губернии в небогатой дворянской семье. После окончания Рижской гимназии поступил на философский факультет Московского университета. По окончании в 1846 г. университета он по рекомендации историка Т. Н. Грановского был оставлен при кафедре всеобщей истории для приготовления к профессорскому званию. Одновременно с подготовкой диссертации Бабст стал работать учителем истории в Московском сиротском доме. В 1851 г. магистерская диссертация на тему «Государственные мужи Древней Греции в эпоху ее распада» была успешно защищена, и молодому ученому было предложено место на кафедре политической экономии в Казанском университете. Во время своего пребывания в Казанском университете он написал докторскую диссертацию на тему «Джон Ло, или Финансовый кризис Франции в первые годы регентства», которую успешно защитил в 1853 г. С октября того же года преподавал в Казанском университете в качестве экстраординарного профессора, а с марта 1856 г. работал в должности ординарного профессора по кафедре политической экономии и статистики. Речь, произнесенная Бабстом 6 июня 1856 г. в актовом зале Казанского университета, «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», в которой он указал на целый ряд явлений не только экономического, но и политического характера, мешающих развитию народного хозяйства России, и мер по их устранению, произвела большое впечатление и после публикации, которая осуществилась не без некоторого сопротивления властей, сделала его известным во всероссийском масштабе. Практическим результатом этой речи было предложение, сделанное Бабсту Московским университетом, занять место, оставленное незадолго до этого профессором И. Вернадским. В Московском университете Бабст был ординарным профессором в период 1857–1874 гг. В 1867 г. он занял пост председателя правления крупнейшего московского кредитного учреждения — Московского купеческого банка, управление которым он вначале совмещал с преподаванием, но затем, оставив университет в 1874 г., оставался до 1878 г. только банкиром.

О НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЯХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ УМНОЖЕНИЮ НАРОДНОГО КАПИТАЛА¹

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 6 ИЮНЯ 1856 г.
В ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ
ИМПЕРАТОРСКОГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОРДИНАРНЫМ ПРОФЕССОРОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
И СТАТИСТИКИ ИВАНОМ БАБСТОМ

Еще очень недавно мы отпраздновали, М.Г.², радостное известие о заключении мира. Мы знаем, как благотельно подействовал на наше сельское хо-

¹ Печатается по: Бабст И. К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. — М.: Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1857.

² М.Г. — милостивые государи.

зайство, на нашу торговлю и промышленность один только слух о близости этой радостной минуты великого народного примирения. Вздохнули свободнее и помещики, имея надежду на сбыт хлеба и на хорошие цены, потянулась к нам вереница купеческих приказчиков для закупа продуктов наших родимых нив и полей, встрепнулись и зашумели наши фабрики, прекратившие работы, и толпы коммерческих агентов появились уже в наших портах и промышленных центрах для закупа наших продуктов. В эту счастливую минуту всеобщего оживления нашей промышленности и производительных сил забудем, М. Г., и те раны, и те страдания, которые нанесла нам кровавая и долгая борьба, забудем тем более, что не бесславна была она и для нас. Встречая черноморских моряков, приветствуя этих добрых страдальцев за русскую землю, Москва от лица всей России с гордостью высказала, что, несмотря на сильный союз, на громадные силы, собранные против нее, Россия сумела дать отпор и вышла с честью из трудной борьбы. Встречая с радостью мир, не возмутим нашего счастья сетованием о прошедших страданиях, а возблагодарим войну за те великие плоды, которыми мы отчасти уже начинаем пользоваться. «L'excès des maux dont la France etail affligée, — сказал один великий финансовый муж Франции, — donnait de facilites, que l'administration ne rencontre pas toujours dans des circonstances moins desesperées»¹. Тяжкая народная борьба и страдание заставляют народы осматриваться, проверять свою пройденную жизнь, проверять учреждения, изменять их и поправлять свои ошибки. В великих народных битвах могучие соперники знакомятся друг с другом — учатся уважать друг друга, и народам юным, но по своим историческим задаткам призванным играть великую роль в европейской семье, не мешает поучиться многому у своих недавних врагов, с которыми побратались на ратном поле и которых они научились уважать.

Воспользуемся же дружно, М. Г., спасительными опытами войны и плодами ее. Она и в экономическом нашем быту раскрыла нам также по всей их наготе недостатки и упущения наши. Она указала нам на недостатки в путях сообщений, на монопольный характер многих сторон нашей промышленной деятельности, на отсутствие кредита, на исключительно еще почти естественный характер народного и государственного хозяйства, на медленное обращение капиталов, наконец, на недостаток в них. Возблагодарим ее за то, что она нам указала на все означенные темные стороны. Нам предстоит теперь только не дрогнуть перед ними, но с ними бороться и одолеть их. Подобно нашим доблестным витязям, отстаивавшим грудью российские пределы, пускай отстаивает честь Родины каждый из нас: и купец, и земледелец, и мужи закона и науки. Ополчимся все дружно и дружно станем действовать для распространения нравственного образования, для распространения просвещения и для умножения нашего богатства. Нелегка, однако, эта задача, М. Г., и исполнен терния путь к искоренению освященных давностью злоупотреблений и предрассудков, но еще тяжелее он для мужей мысли и науки, для этой немногочисленной у нас когорты людей, в руки которых Россия вверила святое дело своего просвещения. Постараемся все дружно оправдать слова Высочайшего

¹ Избыток бед, пережитых Францией облегчил управление для наиболее обездоленных людей. — *Ред.*

Манифеста: «Да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в судах ее; да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных».

Имея честь говорить перед вами как представитель одной из отраслей знаний, я решаюсь показать вам в беглом и кратком, по возможности, очерке малую только часть тех препятствий, которые наука обязана и должна преодолевать, ежели только хочет оставаться верною святому назначению своему и оправдать надежды, на нее возлагаемые.

Прежде всего науке приходится бороться с тупыми, устарелыми предрассудками, с недоверием большинства, привыкшего к рутине, большинства, выражающего на каждом шагу свое недоверие, неуважение, а нередко и злобу к теории. Нет почти ни одного вопроса, ни одного явления в народном хозяйстве, где бы теория не встретила упорного сопротивления и где бы нам не пришлось вступать в бой с отживающими уже формами народного хозяйства, но за которые говорит вековая давность, привычка, рутина и неподвижность — эти постоянные признаки отживающих форм.

Подобные препятствия встречала политическая экономия везде: везде против нововведений и реформ, вызываемых изменившимся содержанием народной жизни и условий народного хозяйства, выступали защитники старого быта, ветхих форм, но зато везде в Европе была эта борьба облегчена тем, что там существует полемика, что каждый, заживо затронутый в своих интересах, выступает на защиту своих мнений словом, что там экономическое образование составляет необходимую принадлежность образованного большинства; наконец, потому, что там вообще образование развито шире, чем у нас.

Предрассудки, недоверие к теории, рутину найдем мы везде. Везде, где только существует человеческое общество, везде встретим мы две великие партии, на которые оно дробится: приверженцев старины и рутины, не доверяющих теории, и партию прогресса, сознающую необходимость реформы. И в экономически развитой Англии гремели великие ораторы против уничтожения хлебных законов, и во Франции поднимался ропот против уступков свободной торговли, сделанных императором Луи Наполеоном, и в Германии умирали сотнями несчастные силезские ткачи от запрещения ввоза льняной пряжи в видах поощрения отечественной промышленности — но дело в том, что нигде уже не найдем мы того неуважения к теории и науке, как у нас: не услышим уже подобных слов, что не дворянское-де дело заниматься хозяйством или винокурением, не услышим бахвал нашей внутренней торговли без всякого счетоводства, без книг, где редкий купец, редкий помещик в состоянии сделать баланс своим оборотам; не услышим уже подобных мнений, которые питает у нас большинство даже образованного народонаселения, хранившего детское убеждение, что, запретив вывоз хлеба, Россия может голодом принудить Западную Европу к уступкам; не найдем уже людей, как у нас, в захолустье, которые бы удивлялись, что случайно заехавший к нам образованный купец так живо интересуется иностранными газетами, тогда как в дворянском собрании лежат они почти нетронутыми; не найдем и представителей финансового управления, высказывающих мнение,

что, умножив налог на соль, необходимо получить больше дохода от увеличившегося потребления. В таких словах видны уже и не нападки на теорию, а совершенное непонимание первых начал народного хозяйства; здесь приходится учить, здесь только всеобщее образование, учение может вызвать общество на прямую дорогу, но для ученой полемики места быть не может.

Поединок может быть с разным оружием. Но замечательно, что люди, наиболее вопиющие против теории, в сущности, самые неумолимые теоретики. Промышленник, целые годы занимающийся одним делом, выводит себе из собственных наблюдений известную теорию; человек государственный, посвятивший свою жизнь одной отрасли государственного управления, создаст себе известные правила, которым следует, и становится теоретиком. Следовательно, нет ничего основательнее фразы, что то, что хорошо в теории, не годится в практике. Практики сами себе противоречат. Здесь один выход: или теория верна, и, следовательно, она верна и в применении и должна оказать благотворительные результаты, или она ложна, и тогда ложь ее непременно окажется на практике.

Положим, что каждый купец может дисконтировать вексель, не прочитав Адама Смита, что каждый артиллерист может выпалить из пушки, не зная математики и теории артиллерийского искусства; положим, что наши архитекторы, имея в руках урочное положение, не имеют и нужды знать теорию архитектуры, и что собирать податей можно легко, вовсе не зная теории податей и налогов. Но да не забудем также, что только наука и теория могли расширить и увеличить область практических применений, что только теория и наука произвели все великие изменения в мире, политическом и промышленном. Не забудем, что только благодаря теории совершились все великие улучшения в нашем домашнем и общественном быту, что теория дала возможность перевозить в десять дней огромные массы войск из Франции в Крым и что теория и наука дали средства нашему благородному Тотлебену отстаивать в течение почти года Севастополь и записать кровавыми, правда, буквами в ряды великих инженеров инженера русского. Нет, одним словом, возможности существовать, практики без теории, и даже самые зачатые практики оканчивают тем, что делаются самими неволимыми теоретиками, а вследствие этого самими узкими. Разве охранительная и запретительная система во всех ее крайностях не та же теория, что и теория свободной торговли? Но представители первой считают себя практиками в противоположность последней. На деле оказывается, что практика — это освещенная давностью теория и что вся борьба между практикой и теорией есть не более и не менее как борьба старых убеждений с новыми понятиями, выработанными наукой и временем.

Inde ira!¹

Нельзя не сознаться, что неумолимые теоретики много повредили успеху благого дела. Поспешность, крайность и неуступчивость их вызывают упрямство и жестокую борьбу со стороны практиков. Каждый народ идет вперед. Постоянный прогресс — это необходимое условие жизни и развития каждого органического тела, но прогресс совершается то медленнее, то скорее. Все попытки внезапной, быстрой реорганизации общества, как бы они ни были за-

¹ Отсюда гнев! — *Ред.*

конны, как бы в них ни чувствовалась потребность, ведут к разрушению старого, к полному уничтожению всего существующего, к революциям; а революция всегда будет злом, и тяжким недугом страдает общество после быстрого и разрушительного переворота. Теория, как бы она ни была верна, не должна быть неумолима; ей не следует прибегать для своего осуществления к крайностям и не быть Молохом, требующим только новых жертв. Ежели свежие германские племена явились продолжателями и носителями идей всемирной истории, то неужели же выжженные села и могильная тишина опустошенных земель классической цивилизации были необходимым условием для такого хода истории.

Неумолимые теоретики, а их было всегда много в минуты тяжких народных недугов, принимают свою теорию за котел Медеи: они думают убить существующую организацию общества и из отдельных членов трупа создать новое тело. Да избавит нас Бог от таких теоретиков, точно так же как да избавит нас современная цивилизация от подобных представителей исторических идей, каковы были Аларих и Гензерих! Нет, чем справедливее и законнее теория, тем постепеннее старается она отвратить все препятствия, устранить органические повреждения в обществе, и потому во всех общественных вопросах победа всегда остается на стороне постепенных реформ и времени, этого величайшего и самого законного реформатора. «Когда я говорю об изменениях и реформах, — сказал Гескиссон, — то разумею под ними изменения постепенные, обдуманные, которые в каждом государстве со стародавнею и сложною организацией могут быть лучшими предохранительными средствами от опасных и безрассудных нововведений. Только оставаясь верными такому началу, мы можем сохранить то высокое положение, какое мы занимаем между образованными народами земного шара».

Все нападки, весь дикий вопль против теории подымается обыкновенно со стороны тех интересов, против которых вооружается теория, как против явлений устарелых и замедляющих развитие народного благосостояния. Как бы ни было вредно какое-нибудь учреждение или какая-нибудь экономическая форма, как бы она ни была несвоевременна, но с нею всегда связано столько интересов, столько частных благосостояний, что теория должна невольно поступать осторожно и изменять постепенно, как бы она сама по себе ни была верна и как бы ясно ни высказывались потребности в ней. Что может быть математически вернее теории свободной торговли, но неограниченное ее применение к практике, бесспорно, будет величайшим злом для всякого общества, где, благодаря искусственным мерам, вызваны были к жизни разные отрасли мануфактурной промышленности, в которых затрачены громадные капиталы и которые, несмотря на быстрые успехи, все-таки не могут соперничать с промышленностью народов, далеко их опередивших на этом поприще. Неограниченная свобода торговли — это покуда истина неприложимая во всех ее крайностях, но все же истина, и беглый взгляд на историю европейских тарифов укажет нам ясно, до какой степени они все более и более делают уступки новой теории и приближаются к свободе торговли.

«Доискиваться только того, что хорошо, что желательно, что верно в теории — этого еще мало. Нужно, необходимо обращать внимание и на то, что

возможно и приложимо на деле, — говорит Дюнойс. — Теоретик, отыскивая истину, старается уловить ее, устраняя все побочные обстоятельства, старается создать строгую отвлеченную теорию; человек практический, напротив, не оставляет без внимания ни одного обстоятельства, ни одного явления и, соображаясь с ними, исследует, какие истины, высказанные теорией, могут быть приложимы к делу без больших препятствий, потерь и пожертвований».

К несчастью, большая часть практиков, обладающих и возможностью, и властью совершать необходимые изменения, всегда скорее готова преувеличить важность затруднений, противопоставляемых стариной новым требованиям, нежели взяться за последние. Конечно, для такого шага есть необходимые условия: бескорыстие, патриотизм и, наконец, самое главное — образование. В экономических преобразованиях ошупью, навыком ничего не сделаешь. Здесь нужно глубокое историческое и экономическое образование. Только с такими средствами возможны были в Великобритании все те экономические реформы, совершенные ее великими государственными людьми, об одном из которых сказал Адам Смит, что, слушая его речи, он начинает сам себя лучше понимать.

Распространение здравых экономических понятий, М. Г., составляет одну из самых необходимых потребностей нашего общества. Пора, наконец, перестать жить зря, как говорится, делать все зря. Наступает для нас пора проверить все, что мы сделали, что совершили и достойно ли совершили. Пора нам задать себе вопрос, так ли мы воспользовались и обширным пространством нашей родины, и теми громадными богатствами, кроющимися в ее недрах и выпавшими по воле Провидения на нашу долю. Пора проверить распределение и организацию наших производительных сил, условия обращения ценностей, распределения народного богатства. Исследовать, одним словом, настолько мы приблизились к великой задаче, которую задает себе политическая экономия, задаче дать возможность жить на известном данном пространстве наибольшему числу людей и при наилучших условиях. Русская история сделала громадные успехи в последнее время, предоставим даровитым ее деятелям следить за судьбами русского человека в течение его долгой исторической жизни; пора и экономистам проверить историю экономического быта русского человека, проследить историю его пищи, одежды, жилья, проследить все, чего он желал, чего хотел, чего добивался и как добивался, чего, наконец, успел достигнуть и каковы успехи нашего экономического быта.

Тогда, вероятно, реже встретим мы эту самоуверенность в нашем превосходстве, это китайское самодовольство и эту возмутительную леность ко всем улучшениям экономического быта. Тогда не встретим мы странного убеждения, что без нас и нашего хлеба, без нашего леса или сала не может обойтись Западная Европа, что она зависит от нас и что в нашей воле морить ее голодом или дать наесться досыта, а между тем английский поденщик продолжает есть хлеб, какой у нас ест только высшее сословие, и ежедневно потребляет 1,5 фунта мяса, тогда как наш крестьянин ест его по праздникам, редко и круглый год довольствуется хлебом, о котором уже с XII ст. в Западной Европе и не знают. Не хвастовство, не самоуверенность приведут нас к добру, а истинный патриотизм и беспристрастное и благородное сознание своих недостатков. Пора нам перестать верить, что сельское хозяйство оттого в Западной Европе хорошо, что

с голоду все они это делают. Мы что ли уж так богаты? Ежели кто припомнит голодные наши годы и все, что ему приходилось видеть на дорогах и в деревнях, тот сознается, что подобного голода в Западной Европе и быть не может при ее экономическом развитии, при ее богатстве, путях сообщений и других улучшениях экономического быта, — не может быть, за исключением только разве некоторых несчастных местностей, страдающих, как, например, Ирландия, от экономической неурядицы, вызванной самыми разнообразными условиями, историческими и политическими.

Не раз случалось нам слышать возгласы против промышленного, материального направления нашего века и преимущественно Западной Европы: нередко говорится о новом Вавилоне, о поклонении золотому тельцу, о том, что все нравственные интересы принесены в жертву интересам промышленным, и затем все нападки обрушиваются на науку о народном хозяйстве. Но где же более видим мы корыстолюбия, бесчеловечия, как не в народах неразвитых и экономически необразованных: да и где мы найдем, не у нас ли, патриархальность нравов и золотой век, о котором мечтают поэты? Не в житии ли, старом житии Степана Михайловича Багрова, видим мы патриархальность нашего экономического быта? Не в наших ли купеческих сделках по душе, где чаще всего бывают банкротства, чаще, нежели где-нибудь на Западе, где книговодство и счетоводство обеспечивают всех и каждого? Нам указывают на широту нашей жизни, на ее размахистость и на расчетливость западной жизни. Но последняя проистекает от того, что каждый и должен, и обязан жить сообразно со своими средствами, не может позволить себе излишества, не может захватить чужой порции, да средняя-то порция каждого и больше, и лучше.

Нет, промышленное направление нашего века — это великий шаг вперед. Горе тому народу, который теряет всякое желание к улучшению своего экономического быта, всякую заботу о нем: он теряет с этим вместе сознание своего нравственного достоинства, сознание честности. Напротив, сознание необходимости материального улучшения, желание довольства заключает в себе залог всего прекрасного и благородного в народе. Только человек, живущий в довольстве, может уделять свое время интеллектуальным и нравственным занятиям. Материально выгоднее обеспеченные народы всегда почти бывают и нравственно, и политически развитые: чистота и опрятность — это необходимые условия нравственного развития, а их встречаем мы только у хозяйственно высокоразвитых народов. Не даром же, М. Г., белый цвет есть символ непорочности. Благо тому народу, который имеет средства жить в покойном жилище, одеваться хорошо, хорошо есть, который завоевал себе, одним словом, все условия для нравственного и материального благосостояния. Вот почему наука о народном хозяйстве не так важна в настоящее время, время значительных и разнообразных материальных улучшений.

Человечество поняло яснее, нежели в какую-либо эпоху своей истории, что только путем материального прогресса в состоянии оно развиваться нравственно, что только при материальном благосостоянии возможны успехи образования истинного. Требования человека грубого и неразвитого всегда опасные и незаконные, потому что он редко в состоянии дать себе сам ясный в них отчет. Можно смело сказать, что большая часть несчастий, обрушившихся над бедным

слоем народонаселения, что большая часть заблуждений в экономических мирах происходят и происходили от недостатка здравых экономических понятий. Это поняли уже в Европе, и лучшим ответом на этот животрепещущий вопрос современности служат сотни мелких брошюр, в которых самым доступным для народа образом обработаны главные положения науки народного хозяйства.

С развитием здравых экономических понятий в народе, понятий о законах производства и правильного распределения ценностей, о законном требовании труда, благотельных результатах бережливости и гибельных последствиях роскоши, и не только в народе, но и в тех слоях общества, которые поставлены историческими обстоятельствами над народом и обязаны быть его учителями, идти в челе его на пути прогресса, исчезнут многие злоупотребления, и невозможны будут понятия и предрассудки, замедляющие развитие народного благосостояния.

«В каждом человеке, — говорит Маколей, — кроется желание улучшить свое положение: в каждой опытной науке высказывается стремление к усовершенствованию. Двух таких двигателей уже достаточно, чтобы подвинуть вперед цивилизацию, ежели даже ее задерживают общественные невзгоды и дурные учреждения. Не раз уже было испытано, что расточение государственной казны, тяжкие налоги, неразумные ограничения торговли, продажные суды, вредные войны, восстания и болезни не могут уменьшить народного капитала в такой степени, в какой он непрерывно возрастает, благодаря трудолюбию и усилиям народа. Нетрудно доказать, что товарный капитал Англии возрастал непрерывно в течение шести столетий, что он был больше при Тюдорах, нежели при Платангенетах, при Стюартах более, нежели при Тюдорах, что, несмотря на дурное управление, на безрассудные распоряжения, на государственное банкротство, на бесполезные войны, моровую язву, пожары, он был при кончине Карла II значительнее, нежели при восшествии его на престол. Такой успех в накоплении капитала возрастал постоянно в течение нескольких столетий, но он замечательно ускорился к половине XVII столетия и увеличился еще более в течение XIX столетия. И вот здесь кроется причина такого изменения в положении Англии, которому подобного не найдем в Древнем мире.

Если бы мановением волшебного жезла можно было представить себе Англию 1685 г., мы не узнали бы из сотни местностей и одной, из тысячи строев — одного. Все изменилось за исключением только больших очертаний природы и некоторых массивных и громадных зданий человеческого искусства. Мы узнаем нормандскую башню или феодальный замок, уцелевшие еще со времен войны Белой и Алой розы: но, оставя в стороне такие редкие исключения, все остальное будет нам чуждо и дико. Тысячи квадратных миль, покрытые в настоящее время роскошными нивами и лугами, прорезанные живыми изгородями, усеянные деревнями и дачами, представились бы нам пустырями и болотами, населенными дикими утками. Мы увидели бы хижины, покрытые соломой, на том месте, где теперь возвышаются фабричные и приморские города, слава о которых гремит по всему свету. Трудно перечислить все богатые и населенные улья английской промышленности, которые еще лет за 150 были ничтожными деревушками или пустынными болотами, где водилась дичь, где бегали олени. При Карле II говорили о Ливерпуле как о возрастающем городе, его на-

селение не превышало 4000 душ; вместимость судов, занятых тогда торговлей в Ливерпуле, не превышала 1400 т, т.е. менее вместимости одного остиндского судна настоящего времени, тогда как Ливерпуль имеет теперь с лишком 300 000 жителей; вместимость кораблей, приходящих и выходящих из его гавани, простирается до 500 000 т, а в таможене его собирается ежегодно сумма, в три раза превышающая все доходы Англии в 1685 г.

От этой картины возрастания материального благосостояния великого западного народа обратимся к картине более скромной, но представляющей нам подобные же результаты. Обратимся к нашему приволжскому краю и посмотрим, какие изменения здесь произошли. Стоит только взять в руки Олеария, Стрюйса или кого-нибудь из путешественников XVII столетия, стоит заглянуть в архивы губернских чертежных, и мы придем к тому же решению, что не узнали бы ни одной местности, если бы нам волшебством каким-нибудь ее представили. До половины почти прошлого столетия богатое Заволжье было совершенно пустыней; единственными ее обитателями были орлы да коршуны; стаи драв да шайки разбойничьих кочевников временными гостями. Кое-где бороздили ее неведомые пути, от Волги через Большой-Иргиз реку, и терялись далее в степях. По ним скитались бродяги, преступники, избегнувшие рук правосудия, да последователи разных фанатических сект.

Когда сделан был первый шаг к колонизации, тогда она уже быстро двинулась вперед, и прилив переселенцев не останавливается и по сие время. Тяжкое было вначале жилье для переселенцев, и много приходилось им терпеть от кочевых племен башкирцев, калмыков и киргизов. Маститые старцы рассказывали известному путешественнику Гакстгаузену, как они помнят еще, что ходить на полевые работы можно было не иначе, как в вооружении и целыми толпами; что постоянно на одном из многочисленных курганов, рассеянных по степи, должен был стоять сторожевой, чтобы давать немедленно знак о приближении неприятеля. Дикие кочевники стирали нередко возникавшие деревни с лица земли, убивали, уводили жителей в неволю и продавали в Хиву и Бухарию.

Но как теперь все изменилось! Поселенцы и во главе их немецкие колонисты провели плугом борозды по благословенной и тучной почве, покрытой до их прибытия степною травой. Быстро начала продвигаться здесь цивилизация, смирились дикари и превратились в мирных пастухов, и только в конокрадстве проглядывает их прежняя дикость. Быстро возрастает народонаселение. По 7-й ревизии в трех уездах на левом берегу Волги было 177 300 душ, а теперь по 9-й — 465 274 души. И подобные изменения найдем мы во многих местах нашей обширной, богатой дарами природы родины: везде виден прогресс, хотя и не в такой степени, как бы того можно было ожидать, ежели взять в соображение богатство почвы и выгодные условия целого края.

Ежели мы теперь спросим, где кроются причины этого развития народного богатства в Англии, которая еще не далее, как столетие назад, была так же бедна, как и остальные государства Западной Европы, или изменения, хотя и более скромные, и медленные, в нашем отечестве, то придем прямо к заключению, что все это зависело от умножения капиталов как результатов предшествовавшего труда. При посредстве их производились постоянно новые ценности, избыток которых, после удовлетворения народного потребления, присоединялся

к народному капиталу и умножал его. Конечно, не один только капитал произвел все огромные выше упомянутые изменения в народном богатстве. Мы несколько не причастны такому одностороннему взгляду на развитие экономических отношений в народе: мы очень хорошо знаем, как сложна народная жизнь, как разнообразны условия развития народного богатства, какое важное участие приходится здесь на долю и труда народного, и его размерам, и энергии, и нравственным качествам народа, и учреждениям государственным, но без капитала, без этого необходимого запаса ценностей, который только и даст возможность человеку трудиться, народное богатство точно так же не может двинуться вперед, как без труда и содействия природы.

Капитал сам по себе действительно ничего не может произвести. Без участия труда человеческого, без содействия матери природы он будет мертв и нем. Он не в состоянии произвести свободно и произвольно ни роскошных растений, ни питательных плодов, как наша кормилица природа; семя, брошенное или попавшее случайно в землю, приносит питательный плод или разрастается густым лесом при содействии свободной и могучей силы природы. Труд человеческий может обойтись без капитала, ибо в нем самом лежит достаточно производительной силы, чтобы пользоваться природою, и ежели не подчинить ее силы вполне, то уметь поставить их в такое друг к другу отношение, чтобы они могли доставить результат, необходимый человеку для удовлетворения его потребностей.

Природа и труд человека — это, стало быть, и первоначальные и самые необходимые условия производства; но ежели мы станем следить за всеми ступенями развития экономического быта народов, мы придем все-таки к заключению, что только там видим успех, только там найдем богатство, где встречаем третьего главного деятеля производства — капитал и где естественный деятель производства — природа следует мановению капитала и его велениям. В первую эпоху развития народного хозяйства, оставляя даже в стороне звероловов и кочевников, в первую эпоху зачатков земледелия мы встречаем почти исключительно природу и силы ее как главных деятелей производства. Редкое народонаселение при изобилии земель, вод, лесов, пастбищ питается почти даром; но зато мы здесь не встретим богатства, а наоборот, при таком изобилии даров природы человек живет в самом унижительном рабстве, и только с умножением народонаселения труд получает больше значения и становится почетнее.

С развитием значения труда образуется городская жизнь, растет значение среднего сословия, этого представителя труда, служащего посредником между поземельными собственниками и крепостным земледельческим народонаселением. Вот почему на низких степенях экономического развития так расточительно обращаются с трудом, с землею и так дорожат капиталами. Вот отчего на этой ступени развития всякое и интенсивное сельское хозяйство даже вредно, потому что тратишь на него дорогие капиталы и получаешь взамен дешевые земли и дешевые продукты. В богатых землях, как, например, в Англии, стараются везде, где только возможно, заменить труд капиталом. В больших городах строят везде высокие дома, потому что земля дороже. Везде с развитием народного хозяйства видим мы, что капитал преобладает, и что он становится необходимым условием для успехов народного богатства. «Без помощи капи-

тала. — замечает Рау. — самая плодоносная почва, самый благорастворенный климат, величайшее искусство и трудолюбие рабочего сословия не могут иметь большого и решительного влияния на материальное улучшение народа и умножения народного капитала как результата предшествовавшей деятельности. Это необходимое условие нового и дальнейшего умножения народного богатства.

Без капиталов, оживляющих экономическую деятельность, не может процветать ни одна решительная отрасль народной промышленности, и даже те отрасли последней, которые всем существом своим коренятся в известной стране, не в состоянии достигнуть результатов, которых бы можно было ожидать от них, ежели только нет необходимых и больших капиталов». «Каждый гвоздь в Англии, — говорит Сениор, — обязан своим происхождением, все равно прямо или косвенно, капиталам, существовавшим до нормандского нашествия». Все, одним словом, что содействует народному производству: орудия, машины, строения, пути сообщения, почва, суровье, средства на содержание рабочих, деньги, кредитные знаки, нравственные качества народонаселения, его образованность, изобретательность — все это мы вправе назвать народным капиталом, без которого невозможна ни одна хозяйственная деятельность и для умножения, для усиления производительности которого должны быть употреблены все силы и все стремления народа. Чем более капиталов в народе, подкрепляющихся трудом, тем более условий для обширного производства. Чем более надежды у рабочего улучшить, благодаря своему труду, свое благосостояние, тем производительнее его труд.

Точно в такой же степени капитал действует и обширнее, и производительнее, чем более надежды получить от него выгоды. Для ленивого, беспечного народа капиталы — это мертвые силы, и накопление, равно как и все силы, направленные на последнее, считается, пожалуй, бесплодной тратой. Нужно, чтобы в самом народе крылось и убеждение, и сознание необходимости бережливости труда, без которой невозможно накопление капиталов. Что пользы было Испании, когда все сокровища Нового Света пришли к ней? Она не стала от них богаче, потому что с приливом сокровищ не усилилась народная деятельность. Дурные государственные учреждения, исторические условия, при которых развивалась Испания, подавили в народе смысл и желание к труду. и она осталась бедна. Много есть условий, при которых образуются и накапливаются капиталы. Энергия и стремление к накоплению последних не одинаковы у разных народов, но зависят от самых разнообразных причин: от бережливости народной, от обеспеченности его собственностью, от производительности его труда, от отношений между его производительным и непроизводительным народонаселением, от более или менее быстрого обращения ценностей, от степени нравственности и умственного образования народного.

Капиталы — это прежде всего результат бережливости. Бережливый человек отказывается от известной части результата своего предшествовавшего труда ради нового производства, ради будущего. Чем развитие народ, чем он трудолюбивее, тем он обыкновенно бережливее. На низких ступенях развития экономического быта мы не видим вовсе бережливости. Только миссионеры научили эскимосов прятать избытки своей добычи и извлекать из нее выгоду, тогда как прежде они, бывало, уничтожали и бросали все, что не могли сами

съесть или употребить сами в пользу. В неразвитом хозяйстве беспечность и отсутствие всяких утонченных потребностей достигают высшей степени. Когда первые необходимые потребности жизни удовлетворены, тогда никто и не думает о труде и считает его даже позорным и излишним. В такие периоды народного хозяйства нет смысла в бережливости и нет стремления к накоплению, потому что не признано еще великое значение капитала. Чем развитее народное хозяйство, чем шире потребности, тем более является производителей для удовлетворения их, тем бережливее и осмотрительнее становится само производство, и тем менее бывают бесплодными растраты остатков производства, которые все идут в дело. Еще недавно били у нас в новороссийском крае скот только для сала и шкур. Мясо и остальные части бросались. Мы теперь вывозим мяса не более 40 000—50 000 пудов, тогда как, за вычетом собственного потребления, могли бы легко вывозить с лишком 10 млн пудов.

Не станем обращать внимания только на одни миллионные цифры, на громадные капиталы, а проникнем глубже в эту таинственную мастерскую, называемую народным хозяйством, этот кропотливый муравейник, и мы найдем производства, на первый взгляд, ничтожные, действующие при помощи самых ничтожных капиталов, но объем которых может быть расширен до бесконечности, и где строгая бережливость может вызвать чудеса на свете. Обратим внимание на наших Вязниковцев овчинников, на Кологривцев дегтярников. Верейцев луковников, Солгаличан бревенщиков, Юрьевцев китаечников. На все эти мелкие, ничтожные, по-видимому, промышленности, но дружно содействующие умножению народного капитала, который при бережливости и при обеспечении обратится со временем в громадный капитал, которым удивляют нас далеко нас опередившие западные народы. По песчинкам накаплиются капиталы, но каждая песчинка пропитана трудовым потом рабочего сословия, и все силы верховной власти, вся задача умного и благомыслящего правительства должны быть направлены на то, чтобы драгоценные сии песчинки не развеяны были по ветру и не прилипли бы к нечистым рукам.

Первое и главное условие для поощрения бережливости и накопления народного капитала — это полное обеспечение труда и собственности. Как мы уверены, что плоды наших трудов, будь они результаты труда вещественного или невещественного, не пропадут, тогда все мы готовы трудиться; тогда народная производительность делает чудеса, и капиталы вещественные, равно как и нравственные, быстро умножаются. И на Востоке есть бережливые люди, но эта бережливость иная, от которой да сохранит нас благое Провидение. Еще не далее как в январе месяце журнал «Economist», говоря о необыкновенном приливе серебра на Восток, высказал положительно, что все это серебро не воротится уже назад и Европу, потому что скроется там навеки. Это подтверждение той же знаменитой фразы, которая вырвалась у Берка: «Где собственность не обеспечена, там скрываются золото и серебро в недрах земли, откуда они вышли на свет». В беспокойные эпохи капиталы и деньги прячутся. Общее недоверие, отсутствие всякой безопасности удерживают от желания дать производительное употребление капиталам, и каждый считает несравненно более надежным обращать их в ценные вещи и хранить под спудом. Отсюда происходит это видимое и наружное богатство в странах, в сущности, бедных. Богач

на Востоке носит нередко на себе все свое богатство, заключающееся в драгоценных металлах и камнях, тогда как это же самое богатство резко отличается от грязи, в которой он живет, и драгоценный кальян турецкого паши находится в самой резкой противоположности к образу его жизни.

Где мало безопасности, где мало уверенности в пользовании плодами своей бережливости, там ничтожно и стремление к последней. Солдат в военное время, моряки, в особенности китоловы, всегда чрезвычайно расточительны и беспорядочны. Домовитость, мудрое скопидомство могут быть только в таких народах, где каждый уверен в своей безопасности, где вследствие такой уверенности деятельность каждого отдельного лица получает большие размеры и где в целом народе заметно стремление копить, чтобы умножить свое богатство и улучшить свое материальное положение.

Мы часто слышим нападки на врожденную лень и беспечность некоторых народов, на отсутствие всякого смысла к улучшению своего быта. Это отчасти справедливо. Но нельзя согласиться, что лень и беспечность были уделом целого народа, и нельзя предложить, чтобы в целом народе существовало полное отсутствие желания улучшить свой быт. Это невозможно, и мы должны скорее искать объяснения такому грустному явлению в условиях, среди которых живет известный народ. Когда избытки народа так малы, что и копить их нечего, когда он даже и в них не уверен, потому что каждую минуту его трудолюбие может быть потревожено произвольными распоряжениями в его хозяйстве самого разнообразного рода, — где же тут может быть возможность бережливости? Лучше истратить последнюю копейку, чтобы она только другому не досталась. Все же она как будто не пропала. Когда промышленник не может начать ни одного предприятия, не рискуя потерять своего капитала, когда заимодавец тщетно преследует своего должника, переезжающего преспокойно из одного города в другой, — где же тут может быть бережливость, где же тут возможность быстрого накопления капиталов?

Практики, вероятно, улыбнутся, читая эти строки, и укажут на громадные капиталы, обращающиеся в нашей торговле, укажут на громкие имена наших аристократов торговли, но нам и не приходит в голову отрицать существование капиталов в России. Они есть, но их все-таки мало. Высота процента служит лучшим тому доказательством, а он у нас очень высок. Причина же высоты роста двоякая: или у нас мало капиталов, и значит, мало еще стремления к накоплению, или же капиталы есть, и тогда высокий рост происходит от высоты страховой премии — от недостатка безопасности, а где нет безопасности, там не может быть и бережливости. Каждое накопление предполагает жертвование настоящего наслаждения в надежде на будущее.

Легкость такой жертвы и склонность человека согласиться на нее не везде одна и та же и зависят от самых разнообразных условий. Незнание будущего является здесь главным деятелем, а степени этой неизвестности чрезвычайно разнообразны. Все обстоятельства, усиливающие вероятность, что не другой кто, а мы воспользуемся плодами наших трудов и нашей бережливости, должны необходимо, следовательно, способствовать капитализации. Чем менее, повторяем опять, безопасности, чем чаще бывают вредные изменения в имущественных отношениях народа, тем менее будет постоянно число лиц,

склонных к бережливости, а ежели она и существует, потому что и в самом экономически неразвитом обществе есть бережливые люди, то является в самой грубой и неразвитой форме. Так еще недавно жаловался Мишель Шевалье на бесплодную бережливость французских крестьян, скопляющих светлые пяти-франковики и не дающих им никакого производительного потребления. Припомним бесчисленные примеры между нашими крестьянами, у которых это уже составляет общее правило. Силезские мужики зарыли много денег в 1848 г., точно так же, как это делалось еще во время 30-летней войны.

При таком отсутствии безопасности не могут развиваться и главные побудительные нравственные причины накопления — предусмотрительность и забота об общем благе. Народы на низкой ступени нравственного развития почти не знают предусмотрительности. Нужно много развитости, чтобы на воображение наше действовало и чтобы его занимало неведомое будущее или вообще все то, что не прямо и не в настоящую минуту бросается ему в глаза. Ежели мы обратим внимание на все побудительные причины, которые заставляют образованного и развитого человека быть бережливым, употреблять сбережения производительно, мы увидим, что в числе их главное место принадлежит чувству и сознанию, что трудишься и копишь для общего блага и для других, любезных нам лиц. Народы неразвитые, народы дикие и народы в эпоху упадка — одинаково эгоисты. В нравственно и интеллектуально развитом народе мы не найдем почти человека, который бы трудясь из личной выгоды, не имел бы в виду общей пользы, не понимал бы, что, увеличивая свое богатство, он дружно содействует общему довольству. Сознание пользы общей, сознание необходимости труда для общего блага — это необходимое условие деятельности. Только дикири живут для себя, и только Рим во времена упадка мог задавать свои страшные оргии, потому что римлянину в эпоху падения древней цивилизации ни до кого не было дела.

Трудно себе представить, до какой степени дурная администрация, отсутствие безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурные учреждения действуют губительно на бережливость, накопление, а вместе с тем и на умножение народного капитала. Междоусобные войны, борьба политических партий, нашествия, мор, голод не могут иметь того губительного влияния на народное богатство, как деспотическое и произвольное управление. Чего не перенесли благословенные ораны Малой Азии, каких не испытали они переворотов, и постоянно вновь обращались в земной рай, покуда не скрутила их турецкая администрация. Что было с Францией в XVIII столетии, когда над земледельческим народонаселением тяготела безобразная система налогов и когда вдобавок еще под видом последних каждый чиновник мог смело и безнаказанно грабить. Против воров и разбойников есть управа, но что же делать с органами и служителями верховной власти, считающими свое место доходным производством? Тут иссякает всякая энергия труда, всякая забота о будущем, об улучшении своего быта.

Безопасность, полная возможность пользоваться плодами своей бережливости — вот главные условия накопления капиталов. Но капиталы, М. Г., и накопление их тогда только исполняют настоящее свое назначение, когда открыта полная и свободная стезя для их деятельности. Ежели капитал есть главным

образом плод и результат бережливости, то все-таки эти плоды бережливости только тогда назовем мы капиталами, когда они действительно употребляются производительно. От мертвых капиталов, от кладов, закапываемых в землю, народу пользы мало. Тогда только растет народное благоденствие, когда все плоды бережливости деятельно пущены в оборот и дружно плодотворят собою народную промышленность.

Только капитализация, т.е. накопление капиталов, предназначенных именно для нового производства, для потребления исключительно производительного, обогащает народ. «Ежели мы сравним, — говорит Портер, — государственные расходы Великобритании в течение 23 лет, между 1793 и 1815 г., с расходами того же периода времени между 1816—1838 гг., то расходы последнего периода времени на 332 млн фунт. стерл. меньше. Не будем исследовать, какими путями собрана была эта громадная сумма, путем ли налогов или при посредстве займов. Во всяком случае народ должен был нести на себе все это бремя. Еще поразительнее будет разница, когда мы сравним десятилетие 1806—1815 с десятилетием 1828—1837. Государственные расходы последнего десятилетия были на 382 555 270 фунт. стерл. меньше. Глядя на эти цифры, невольно приходится задать себе вопрос, каково было бы положение Англии, если бы ей не нужно было делать таких страшных расходов. Ничтожная часть этой громадной суммы была бы достаточна для уплаты всего государственного долга Англии 1793 г. Нам бы не пришлось испытать всех несчастных мер ограничения торговли, к которым подали повод все эти бесплодные расходы, и мы испытали бы, может быть, все блага довольства, которые бесспорно повели бы за собой самые счастливые результаты для нравственного и материального положения Великобритании и остальной Европы».

Капитализация и умножение народного богатства зависят главным образом от производительного употребления плодов бережливости. Было время, когда господствовало общее мнение, что правительство может потратить весь капитал народный, что такое потребление будет даже полезно, ежели только все истраченные капиталы разойдутся в народе. Это невольно напоминает нам правило самосского тирана Поликрата, уверявшего, что друзья его гораздо довольнее, когда он отдаст им назад то, что у них нагребил, нежели когда он оставляет их в покое. Такие самосские понятия не исчезли и до сих пор. Мы и теперь часто слышим, что расточительность не только не вредна, но даже и полезна, ежели только деньги остаются в государстве. Но что, если бы все капиталы, издержанные в продолжение всеобщего мира в Европе на громадные морские и военные силы, были употреблены на производительное и для народа полезное дело, разве результаты были бы те же? Употребить миллион на фабрику или на другое промышленное предприятие и истратить миллион на потешный огонь, хотя бы даже и в том, и в другом случае деньги остались в народе, не одно и то же. Для пышного фейерверка народный капитал представляет две ценности: миллион в деньгах и миллион в ценностях, предназначенных для потешного огня: но после него миллион в деньгах остался, но другой миллион исчез навсегда, за исключением только той прибыли, которая осталась в руках людей, занятых приготовлением торжества. Мы не враги удовольствий и великолепных торжеств, мы нисколько не порицаем, когда народ весело проживает свои из-

бытки. Это верный признак его довольства. Но мы привели этот пример единственно с целью, чтобы показать, какая громадная разница между производительным и непроизводительным употреблением народного капитала, и ежели только перевес на стороне последнего, то народное благосостояние клонится быстро к упадку, капитал, этот могучий деятель народного производства, тает быстро, и экономический организм народа страдает.

Не одна только расточительность уменьшает производительность и накопление народного капитала. Каждая ненужная трата, каждый лишний расход, даже для производительного употребления, имеет точно такое же вредное действие. Употреблять двух работников, где достаточно одного, держать легионы чиновников, где в них вовсе нет такой нужды, не менее вредно. Так мы знаем, что в некоторых областях Австрии расходы на чиновников поглощают половину доходов областей, где они имеют свои места, а все расходы на чиновников, равно как и большая часть государственных расходов — это суммы, совершенно уже погибшие для капитализации, и все они употребляются по большей части и непроизводительно. Ежели ирландское земледелие занимало в 1831 г. 1 131 715 рабочих и принесло только 36 000 000 фунт. стерл. валового дохода, тогда как в то же время с 1 055 982 земледелие великобританское доставило 150 000 000 фунт. стерл., то подобная растрата производительных сил наносит также вред капитализации.

На государственные расходы в Испании употребляется и настоящее время, по словам Боррего, 897 млн реалов в год, на земские и мирские расходы 410 млн и на духовенство и церковные потребности 680 млн. Неужели же такое отношение между производительным и непроизводительным потреблением может быть выгодно? Всякая лишняя трата, всякая лишняя издержка вредна для капитализации, и вот почему все силы умного и заботливого правительства должны быть постоянно направлены на то, чтобы не издержать ничего лишнего, и с другой стороны, чтобы дать всю возможность частным лицам беспрепятственно и безопасно пользоваться копейкою, приобретенною трудом и потом. «Каждая копейка, — говорит пословица, — алтынным гвоздем прибита».

Непроизводительное потребление губит народное довольство, замедляет капитализацию. Производительное потребление обогащает народ и умножает народный капитал. Следовательно, одним из главных условий для производительного употребления капиталов будет правильное отношение между производительным и непроизводительным народонаселением. Грустно подумать, что до сих пор можно еще применить ко многим народам изречение Тацита о германцах: *Pigrum et iners videtur sudore adquirere quod possis sanguine papare*¹. До сих пор еще уважение ко всякому полезному труду у многих мало развито, и чем менее кто приносит пользы, чем менее трудится, тем считается почетнее. Только в высокоразвитом экономическом обществе труд в почете, на низких ступенях он удел раба. Только высокообразованные народы понимают настоящее значение труда и времени. Время рабочего человека — это самый выгодный товар голландцев, сказал Тамплъ, и благодаря только такому же правилу,

¹ Они слишком ленивы и инертны, чтобы потом добывать то, что они добывают кровью. — *Ред.*

что время — деньги — time is money, могли американцы произвести все те чудеса промышленности, перед которыми в изумлении останавливается обитатель старой Европы.

Чем неправильнее отношение между привилегированными, непроизводительными классами общества и народонаселением производительным, чем более первых, на которых должны грудиться последние, тем медленнее возрастает народное богатство и тише капитализация. По ревизии 1788 г. было в Испании на 3 800 000 мужского народонаселения 1 221 000 душ духовенства, солдат, матросов, дворян, слуг, адвокатов, чиновников. В начале нынешнего столетия было в Португалии на 3,5 млн жителей 200 000 духовенства, т.е. одно духовное лицо на 17 человек. Может ли быть такое отношение непроизводительного класса к общей массе народонаселения выгодным?

Возьмем для сравнения Голландию. В XVII столетии, в эпоху своего блестящего положения, Голландия имела 2 450 000 жителей, между которыми занятия распределились следующим образом: 450 000 занималось рыбным ловлею, 200 000 земледелием, 660 000 фабриками, 260 000 торговлей и мореплаванием, 650 000 ремеслами и 230 000 жило службою или доходами с капитала. Но самое благоприятное отношение представляют нам Северо-Американские Штаты, где в 1840 г. были 77,5% земледельческого народонаселения, 16,8% занимающихся промышленностью и горными промыслами, 4,2% — мореплаванием и торговлей, 1,3% ученых и чиновников. Только при дружном распределении производительных сил в народе возможно приращение богатства и капиталов, и ежели численно отношение между членами непроизводительными и производительными становится невыгодным для последних, если большая часть заработков последних обращается в пользу первых, нисколько почти не содействующих усилению народного производства, тогда капиталы накапливаются чрезвычайно медленно, потому что каждое потребление, истребляющее весь чистый доход народа или превосходящее его, гнетет производительные силы народа, и не только нимало не способствует к умножению народного богатства, но уничтожает даже существовавший в народе капитал, а вместе с тем ведет народ прямо к обеднению.

Мы указали уже выше, что одно из главных условий накопления капиталов и умножения народного богатства — это правильное и производительное его потребление, а для этого прежде всего нужно раскрыть все пути, дать самую широкую возможность к быстрому обращению капиталов. Чем быстрее обращаются капиталы, тем они приносят более дохода, тем они производительнее. Капитал, обращающийся три раза в год, более приносит выгоды и пользы, нежели капитал, обращающийся только раз. От того-то в последнем случае и рост обыкновенно велик. Медленное обращение капиталов равнозначительно с недостатком их. Каждое улучшение в путях сообщений, в орудии мены, каждое расширение кредита способствует ускорению обращения, а вместе с тем и умножению производства. Чем быстрее обращает суконный фабрикант свой товар в деньги, тем скорее может он окупить шерсть и приняться снова за работу. Чем легче купцу найти кредит, тем удобнее ему воспользоваться удобным случаем для спекуляции, когда такая представляется. Но главным условием будет все-таки и здесь полная свобода обращения ценностей.

Полная свобода промышленности и торговли развивается, правда, везде и всегда медленно, но должна же везде одержать верх. При малоразвитом народном хозяйстве обращение капиталов стеснено уже отсутствием безопасности и обеспечения, или же привилегиями, которыми пользуются отдельные лица и сословия, или же, наконец, постоянным вмешательством верховной власти в частные дела промышленных людей и постоянной опекою над их промышленными занятиями. Здесь являются постоянные монополии в самых разнообразных их формах, и каждая монополия есть зло, потому что это не более и не менее как налог на промышленность в пользу лениности или воровства. «Препятствие свободной конкуренции, — говорил Милль, — все равно, что разрешение от необходимости быть столь же прилежным и деятельным, как и все остальные». Всякая законная и справедливая прибыль гармонирует необходимо со всеми другими, и благосостояние одного промышленного занятия необходимо связано с процветанием всех остальных. Вот почему каждая монополия, каждая привилегия нарушает равенство между промышленными силами. Не должно никогда забывать, что весь механизм торговли, вся купля и продажа, весь механизм обращения ценностей есть не что иное, как обмен одних произведений на другие. Купить можно единственно на столько, на сколько мы произвели ценностей. Если одна губерния потребляет, например, на миллион разных изделий, значит, она произвела своих продуктов на столько, что имеет возможность выменять на них необходимые для нее изделия.

Каждое, значит, сословие, живущее трудами рук своих, своею промышленностью, необходимо должно желать процветания всех остальных производительных классов государства как своих потребителей. Чем богаче промышленный город, тем богаче пригородные села, и чем богаче села, тем более в них потребителей найдут городские фабриканты. Повторим здесь слова одного из благороднейших современных экономистов, что народ, где одно сословие подавлено, походит на человека с раненой ногой. Здоровая нога много стеснена также в своих отправлениях. Таковы следствия всякого рода монополий, привилегий и всех мер, стесняющих народную промышленность и обращение ценностей.

Говоря здесь о монополиях, я говорю в самом обширном смысле этого слова, как о явлении, противоречащем законам свободного обмена ценностей. Здесь не одним только законом дарованные права и привилегии отдельным лицам или сословиям будут монополиями, но всякий результат неправильного обмена ценностей, клонящийся к явному ущербу одного и к выгоде другого производителя, каждое неестественное обращение ценностей, вследствие которого одни наживаются за счет других. Нам, жителям приволжского края, это очень хорошо известно, и вот почему раздаются эти постоянные жалобы на упадок земледелия, на непроизводительность его, на то, что оно не вознаграждает ни хлопот, ни труда земледельца.

При благословенной почве, на великолепных, естественных водных путях, при изобилии земли и всех удобий нам приходилось слышать не раз жалобы, что край здешний — край несчастный, что сбыт плох, и наше земледельческое сословие вынуждено действительно искать себе в порочных занятиях средства к уплате податей. Здесь, например, является монополия как средство неразвитости путей сообщений, неразвитости кредита. Вся выгода на стороне хлебных

торговцев-капиталистов, вся невыгода на стороне земледельцев. На этот вопрос указываемо было не раз, и, между прочим, лучше всего в записке господина министра государственных имуществ, представленной им при всеподданнейшем отчете за 1846 г. Представляя устройство железных дорог как главное условие для правильного хода нашей хлебной торговли, министр говорит, между прочим, что при устройстве железных дорог провоз будет дешевле — прекратится колебание в ценах, и что, наконец, хлебные торговцы, не обогащаясь на счет производителей, стали бы получать справедливое вознаграждение, увеличиваемое без риска и спекуляций единственно быстрым оборотом капиталов, которые вместо полутора лет стали бы обращаться в несколько недель. Хлебная торговля перестала бы быть монополией немногих богатых домов, но и ней стали бы принимать участие и небольшие капиталы, а где только является свободная конкуренция главным регулятором обращения ценностей, там монополии должны непременно сами собой исчезнуть.

Обратимся к другому примеру. До сих пор еще на многих шерстяных ярмарках овцеводы, нуждаясь в деньгах, находятся совершенно в руках торговцев, которые стараются скупать шерсть как можно дешевле для выгоднейшей продажи за границу, тогда как на харьковских ярмарках торговля приняла направление, более выгодное для овцеводов, при содействии харьковской акционерной компании для торгоа шерстью и благодаря выдаче из харьковской конторы коммерческого банка ссуд под залог шерсти. Все это избавляет уже здесь овцеводов от зависимости от торговцев-спекулянтов и способствует сбыту шерсти по выгоднейшим ценам. Здесь уничтожилась монополия благодаря содействию кредита, а уравниение барышей содействовало расширению столь важной отрасли нашего сельского хозяйства, овцеводства. Процветание же каждой отдельной отрасли народного хозяйства ведет, видимо, за собой успехи во всех остальных. Когда хлеб в цене, тогда крестьянин и платок жене купит, и кафтан хороший себе сделает, а каждая лишняя копейка, им безвредно уделенная на улучшение своего быта, живет и поощряет остальные отрасли промышленности, увеличивает народное хозяйство и содействует капитализации, потому что, повторяем опять, бережливость возможна только в том народе, который материально обеспечен и вполне уверен, что плоды его трудов не пойдут за бесценок, а получат справедливое и достойное вознаграждение.

Бросив беглый взгляд на экономический быт разнородных обществ Европы, мы придем к одному заключению, что те общества беднее, где медленнее обращение ценностей, где менее развит кредит, где пути сообщений хуже. Экономический переворот и громадные успехи, совершившиеся в Австрии и Венгрии с 1848 г., вызваны были благотворными мерами правительства, проведением линий железных дорог и основанием обширных кредитных учреждений. Говоря о материальных успехах в экономическом быту Австрии, нельзя не упомянуть здесь о ее великом финансовом муже Бруксе, вышедшем, подобно Кольберу, из купеческой конторы, внесшем новые силы и новую жизнь в экономический быт империи. Он указал на великую истину, что удобство сообщений — это главное условие для дружного содействия всех производительных сил народа, что умножение материального богатства Австрии не может идти в уровень с материальным развитием остальной Европы, ежели в одних областях ее много про-

мысленных сил, в других много суровья, но ни то, ни другое не могут удобно сообщаться и размениваться, и сеть железных дорог прорезывает уже по его указанию и настоянию Австрийскую империю, а обширные кредитные учреждения начинают уже оживлять народную промышленность.

Видя совершающиеся у нас везде перед глазами успехи кредита, следя за действиями громадных промышленных обществ, возникших на разных концах Европы с целью расширения кредита, мы невольно приходим к убеждению, что в европейском обществе совершается громадный экономический переворот. «Ежели настоящее хозяйство, — говорит Гильдебрант, — хозяйство по преимуществу денежное, в сравнении с естественным хозяйством средневековой эпохи, то для хозяйства будущего отличительною чертою будет кредит», как почти исключительное и главное средство притягивать празднo лежащие капиталы, употреблять их произвольно и не дать погибнуть ни одной крохе из плодов народной бережливости.

Объем настоящей беседы не позволяет мне, М. Г., войти в подробное изложение условий кредита, его видов и всех услуг, какие он оказывает промышленности; но я позволю себе здесь только указать в нескольких словах на его значение в нашем главном вопросе, умножении капиталов, и на весь вред, проистекающий от отсутствия кредита. В одном из главных центров нашей хлебной торговли пришлось мне беседовать с умным и деятельным купцом. Я застал его растревоженным. Он отправлял партию хлеба тысяч на 30 и бегал по городу, не зная, где найти 2000 руб., необходимых для окончательной операции, и не нашел бы денег иначе, как на самых невыгодных условиях, если бы не подъехал знакомый помещик, с которым у него были постоянные дела, и не избавил бы почтенного торговца от хлопот и беспокойства.

Знаток дела утверждает и доказывает положительными фактами, что чугун наших уральских заводов на 40% дешевле обходится производителям, нежели в Германии, и что, принимая даже в расчет издержки провоза, железо наше должно было бы обходиться в Нижнем дешевле железа немецкого таможенного союза, а между тем оно хуже и дороже. Причина кроется, но общему отзыву, в недостатке капиталов, при содействии которых наши заводчики могли бы ввести лучшие способы производства, в пользу которых везде уже в промышленных государствах убедились. Наши заводчики бывают нередко вынуждаемы прибегать к кредиту весьма тяжкому, сами же продают железо на векселя с долгими сроками, нередко на 12—18 месяцев, а дисконт, всем известно, у нас дорог. Кому из нас неизвестно далее, М. Г., с какими затруднениями сопряжены у нас вообще кредитные операции, как трудно и тяжело нам бывает дисконттировать вексель или разменять билеты кредитных наших учреждений в местах, даже не очень отдаленных от центров промышленности.

Купцу, промышленнику нет возможности часто пользоваться удобной минутой, выгодной спекуляцией, потому что ему негде достать денег, негде дисконттировать вексель иначе, как за страшные проценты. Оттого-то все в руках капиталистов, обладающих большими денежными средствами, и нет средств для деятельности капиталистам мелким, будь они хоть семи пядей во лбу. Оттого и наше земледельческое сословие и наши помещики страдают, что у них нет возможности добыть денег, и при дешевых ценах они продают свой хлеб

без выгоды, к явному ущербу себе, к ущербу и крестьянину, не имеющему возможности при своих ничтожных хлебных избытках соперничать с богатыми запасами хлеба, также поневоле выставленными на рынки. Отсюда и монополичный характер нашей торговли, и медленное обращение капиталов, и наконец, как естественное всего этого следствие, медленное их накопление.

Кредит, М. Г., не творит новых капиталов, но вся его творческая сила, вся польза его заключается в том, что он облегчает обращение ценностей, ускоряет его, развязывает руки промышленности, облегчает предприимчивому человеку средства к производству и живет народную промышленность, упрощая передачу капиталов из одних рук в другие. Ежели должник сумеет употребить капитал выгоднее и производительнее кредитора, то, очевидно, что целая страна в барыше. В этом отношении кредит — это неоцененное средство и условие для сосредоточения капиталов, вследствие которого последние много выигрывают и производительности. Лучшим тому доказательством служат акционерные компании, главная задача которых и главная польза высказывается по преимуществу в таких предприятиях, где главная деятельность приходится на долю капитала, а не труда, где самый труд может быть подчинен строго рассчитанным правилам и законам. К таким предприятиям относим мы железные дороги, банки, страховые общества. Банки — это в настоящее время резервуары, куда стекаются капиталы из мест, где в них изобилие, для того, чтобы разлиться в места, в промышленности, в них нуждающиеся. Чем более развивается доверие, тем более выходят на свет и мелкие капиталы, накапливаются в сберегательных кассах и находят себе производительное потребление. Наконец, только благодаря развитию кредита, народное хозяйство в случае недостатка капиталов может добыть их себе извне для оживления народной своей промышленности.

Против иностранных капиталов и прилива их к нам случалось нам часто слышать грозные речи. Говорят о какой-то постыдной зависимости от иностранцев, о потерях в звонкой монете, которой мы должны будем уплачивать проценты, ущербе народному хозяйству, когда иностранец, наживший себе в России состояние, уезжает пользоваться плодами своего труда на родину и увозит маши капиталы. Но взглядем поближе, попристальнее в это утешительное и многознаменательное явление переселения капиталов, взглянем прямо, а не сквозь плохие очки старых теорий и воззрений, и явление представится нам в ином виде.

Чем дешевле нам обходится удовлетворение какой-нибудь экономической потребности, тем для нас это выгоднее, потому что стоит нам меньше усилий. Ежели один из факторов производства дорог, то его стараются достать подешевле. В стране с высокой заработной платой очень рады дешевым работникам; при дороговизне капиталов, т.е. при высоком росте, стараются приобрести их из-за границы. Правительство, производя заем за границей и получая там необходимые ему капиталы за 5%, поступает гораздо бережливее, нежели занимая у себя дома по 8 или по 6. Мы богаты землею, богаты естественными продуктами, но бедны капиталами, необходимыми для усиления нашего производства, для обработки богатых и разнообразных произведений нашей родины; очевидно значит, что нам гораздо выгоднее пользоваться чужими дешевыми капиталами. Ежели Россия занимает на полезное предприятие капиталы

за границей и платит ежегодно 3 и 4%, а сама получает от производительного потребления 10%, то, конечно, мы все-таки будем в выигрыше, и в этом отношении иностранный заем на московскую железную дорогу был во всяком случае выгоднее займа внутреннего.

Международное движение капиталов и помещение иностранных капиталов в больших промышленных предприятиях — это одна из самых характеристических сторон нашей эпохи. Английские капиталы давно уже начали свою космополитическую деятельность. Капиталы английские давно уже пополняют передержки в государственных расходах, питают и живут промышленность континентальной Европы. Многие из французских железных дорог построены при их содействии. И, наконец, не далее как в прошлом году австрийское правительство уступило и передало большую часть своих линий железных дорог, как отстроенных, так и проектированных, уступило несколько значительных рудников и горных заводов обществу английских, французских и немецких капиталистов. Уступить главные линии своих дорог, богатые рудники и часть государственных имуществ частной компании казалось и в Австрии делом безрассудным и возбудило в приверженцах старой финансовой рутины и казенных предприятий ропот и неудовольствие; но не так думал и думает Брук. Как купец и промышленник, он понимает очень хорошо, что каждое казенное промышленное предприятие плетется всегда медленно и вяло и что только частные предприятия приносят все возможные выгоды. Не забудем также и еще одного важного обстоятельства, что продажей дорог и рудников австрийское правительство получило в свои руки значительный капитал, который дал ему возможность поправить и привести в порядок свою систему ассигнаций, от беспорядка которой страдает до сих пор еще австрийское народное хозяйство. Призвав иностранные капиталы, австрийское правительство получило двойную пользу: дало толчок дремлющим производительным силам богатой страны и спаслось само от банкротства.

Призыв иностранных капиталов нисколько, одним словом, не вредит государству, но только приносит пользу, конечно, ежели их употребляют только производительно. Всякий же заем для цели непроизводительной вреден, потому что народное богатство не умножается, но уменьшается, и народ должен нести на себе всю тяжесть уплаты процентов, которые уплачиваются вдобавок из прежде существовавшего капитала. Такое выгодное перемещение капиталов возможно только при содействии кредита и когда все разнообразные ветви народной промышленности чувствуют в нем необходимость, когда они без кредита не могут подняться и распуścić крылья, тогда задача каждого правительства должна состоять в доставлении всех возможных средств для развития и расширения кредита.

Нетрудно найти причины, отчего кредита в народе мало, и у правительства всегда в руках средства, у него всегда и сила и возможность поднять кредит или, чего Боже избави, задавить его скромные начатки. Чахнет же кредит, как и всякая сторона экономической жизни, тогда, когда частная деятельность и промышленность стеснены, когда народной промышленности навязывают устаревшие экономические законы и правила, из которых она давно уже выросла. Кредит — это главный рычаг народной промышленности нашего времени, это

живительное начало для развития промышленных сил, это дитя современной промышленной жизни — дитя в высшей степени свободное и независимое. Всякое вмешательство, всякая опека стесняет развитие кредита и мешает ассигнации капиталов, а без последней невозможно никакое кредитное учреждение: ни земледельческое, ни промышленное. Предоставляя каждому человеку, каждому промышленному обществу свободное поле деятельности, не приучая народ к мысли, что и в его хозяйственных делах нужна ему постоянная нянька, ограничиваясь только надзором или хорошими строгими законами против всякого покушения на чужую собственность и преимущественно в отношении к должникам, к банкротствам, и тогда частный интерес, личная выгода приведет и каждого отдельного промышленника, и народную промышленность вообще к желанной цели.

Позвольте вам привести, М. Г., в доказательство один пример такого неограниченного никакими монополиями и привилегиями, никаким посторонним вмешательством не стесняемого народного хозяйства, и вы сами можете судить, до какой степени это возможно. В штатах новой Англии и по преимуществу в Массачусетсе и Род-Эйланде почти каждое предприятие для общественной пользы производится на акциях. Каждый город образует акционерное общество для заведывания своими мостами, дорогами, школами. Академии, лицеи, библиотеки, сберегательные кассы, заемные банки, в количестве, соответствующая с тем народонаселению, и все подобные учреждения не что иное, как акционерные общества. Каждый округ имеет свой банк в объеме, соответствующем его потребностям, и капитал банка принадлежит своим же капиталистам и ими управляется. Оттого-то нигде не встречаем мы банковской системы в таком совершенстве, нигде не встретим так мало колебаний, столь частых в других местах и столь опасных для кредита.

В двух вышеозначенных штатах существует до 200 банков. В одном Массачусетсе 53 страховых общества разного рода, и все на акциях. Фабрики основаны здесь также по большей части на акциях. Каждый из администраторов, начиная от закупки сырого материала и до продажи фабриката, есть участник в предприятии, и в то же время каждый работник имеет надежду в будущем сделаться, при усилении бережливости и осмотрительности, участником и акционером. Благотворительные заведения устроены все на акциях. Рыболовные суда строятся или покупаются матросами на акциях: каждый капитан корабля, отправляющегося в Южный океан, участник в предприятии, и участие его служит лучшим побудительным средством к бережливости и к добросовестному исполнению своих обязанностей. Только благодаря такому свободному развитию промышленности, благодаря такой чудной экономической организации, вследствие которой каждый производитель живо заинтересован в предприятии, возможны все те громадные предприятия, все исполинские успехи, которыми смело могут гордиться Северо-Американские Штаты. И не забудьте еще одного, М. Г., что при такой организации, как я уже заметил, и возможно, и удобнее, и заманчивее бережливость, ибо тут каждая ничтожная частичка, плод бережливости, находит себе помещение, а бережливость, как вам уже известно, главное условие накопления капиталов.

Мне много пришлось говорить, М. Г., если бы я хотел развить подробно каждый отдельный закон умножения народного капитала, каждое из упомянутых мною условий умножения народного богатства. Это вывело бы меня далеко из границ предполагаемой беседы. Каждое из упомянутых мною выше условий могло бы быть предметом ученого трактата, а я взял на себя только обязанность указать Вам на них в некоторых беглых очерках, указать на средства, которые могут способствовать умножению довольства и богатства в нашей дорогой и любезной всем нам родине.

Позвольте мне в заключение указать Вам еще на одну весьма важную сторону нашего вопроса, еще на одно условие, способствующее умножению нашего богатства. Я говорил до сих пор об умножении материального благосостояния, об умножении капитала вещественного, но есть еще одна отрасль народного капитала — это капитал нравственный, заключающийся в народной честности, в народной предприимчивости и степени трудолюбия, в живом и ревностном участии к общему благу, в привычке не полагаться на внешнюю помощь, не искать себе в силах, лежащих извне, опоры, но в самом себе, в привычке к самостоятельности. Неодинаково и неровно распределены сии высокие качества нравственного достоинства народного, этого неоцененного запаса нравственного капитала. Подобно вещественному богатству, проявляющемуся в разных степенях, встречаем мы и нравственный капитал не в одном и том же количестве.

Мы найдем многочисленные здесь ступени, начиная от жидовского торгашества и барышничества, врожденного восточным народам, до непоколебимой честности квакеров, известной целому миру, от лени неаполитанского лазарони до трудолюбия английского работника и от совершенной апатии, от совершенного отсутствия потребности к улучшению своего быта земледельческого населения на Востоке до неутомимого духа к спекуляциям североамериканца. Вглядитесь в весь общественный организм восточных государств, и вы увидите, что там, где дети от своих родителей заимствуют в самых молодых годах презрение к честному труду, презрение к честности и к образованию, где все управление основывается на продажности и на подкупе, где господствует полный произвол везде и всюду, где уголовное законодательство существует почти единственно для потачки преступлению, а не для того, чтобы карать его — там, конечно, не может быть честности, а где нет честности, там не может развиваться и умножаться народное богатство.

И действительно, где более бедности и нищеты, как не в самых благословенных странах Азии и Европы, но страдающих от дурного управления. Развитие промышленности может быть только там, где господствует честность в народе и где развит кредит. Английские векселя принимаются охотнее всего на всех биржах; богатейшие и известнейшие во всемирной торговле дома, самые зажиточные торговцы встречаются только в тех местах, где существует продажа без запроса, где даже не знают, что значит торговаться. Запрос, барышничанье, страсть торговаться — это явные признаки малоразвитого народного хозяйства, а вместе с тем и народной честности, потому что здесь каждый думает нажиться скорее и быстрее всякими непозволительными средствами.

В хозяйствах более развитых вошло уже в обычай прибавлять ярлыки с ценами даже в самой мелочной продаже. В больших же операциях, судя по всем

отзывам и описаниям английской торговли, они поражают своею быстротой и той молчаливостью, с которою они производятся. Вот почему только в высококоразвитых народных хозяйствах найдем мы те почтенные, старинные, в целом коммерческом мире известные торговые дома, существующие по 200 и более лет. Цивилизация, говорит Сей, и развитие народной промышленности имеют благотворное влияние не только на материальное благосостояние народа, но и на нравственное его совершенство. Цивилизация рождает в нас новые потребности, но она же и учит нас и велит нам пользоваться только средствами честными и законными. И среди цивилизации найдем мы примеры корыстолюбия, обмана и незаконного стяжания, но такие примеры здесь гораздо реже, нежели в народе грубом и неразвитом.

Но ежели честность, М. Г., и народная нравственность так много содействуют умножению народного богатства, то не забудем, что вместе с цивилизацией усиливается в народе и дух предприимчивости и трудолюбия. Никакие поощрения, никакие правительственные меры не в состоянии вызвать в народе два эти необходимые для его благосостояния качества, ежели только народная собственность не обеспечена, ежели у народа нет возможности дать полного развития всем своим промышленным силам, ежели его деятельность стеснена на каждом шагу вмешательством в его промышленные дела, и он не может без спросу с места двинуться, без платежа предпринять чего-нибудь.

Смелые предприимчивые характеры встречаем мы, конечно, везде; но смелость на авось, где человек из мелких целей или из глупого удачиства рискует пробежать по тонкому льду, хрустящему под его ногами, или удачиство разбойника, который режет по дорогам, несмотря на мотающееся перед его глазами на виселице тело такого же удайца, или удачиство контрабандиста или мошенника, обкрадывающего казну и рискующего своею участью: такая предприимчивость, такое удайство не могут служить признаком нравственно развитого и предприимчивого народа, и мы находим его в обществах, сравнительно бедных. Чем менее развито народное хозяйство, тем чаще встречаем мы состояния, несправедливо нажитые, тем чаще основной фонд народного состояния ведет свое начало из грязного и черного источника. Но чем выше цивилизация в народе, чем более в нем честности, тем выше в нем дух благородной предприимчивости, и последний становится тогда благодетелем народным, благодетелем целого человечества.

Такой дух предприимчивости, М. Г., заставляет отважных людей отыскивать новые торговые пути: он ведет смелых открывателей, не взирающих ни на какие опасности, через знойные пустыни Африки, где погибло уже столько доблестных служителей науки; такой дух предприимчивости заставляет отважных и благородных мореходцев плыть между ледяными громадами для отыскания следов несчастного Франклина; он заставляет предпринимать опасные и нередко стоящие жизни опыты, подыматься на воздух, вступать в борьбу со стихиями, наконец, смело вступать в борьбу с невежеством и предрассудками. Такая борьба, М. Г., стоит, поверьте, подчас иной борьбы; только она отличается тем, что не сопровождается заревом пылающих деревень и стонами несчастного народонаселения, лишившегося своего крова и своего достояния.

Но для того, чтобы в народе возбудить и вызвать такой благородный дух предприимчивости и такое уважение ко всему полезному труду, возбудить честность и чувство правоты, для этого, М. Г., необходимее всего широкое, всепроникающее образование, и не такое поверхностное, которое бы, вырывая человека из среды, в которой он родился, в которой он призван по своему положению действовать, научает его презирать своих прежних собратьев, но образование полное, широкое, вселяющее уважение ко всякому труду, ко всякому делу.

С распространением полезных сведений, с развитием уважения к истинному образованию во всех слоях общества необходимо должен увеличиться и нравственный, и вещественный капитал народный. Вещественный увеличиться потому, что наука, эта необходимая в настоящее время спутница и руководительница промышленности, дает беспрерывно новые указания к выгоднейшему производству, открывает беспрерывно новые пути в промышленности, открывает в природе новые дары для удовлетворения наших потребностей легчайшим и скорейшим путем. С наукой, со знаниями наши капиталисты не имели бы нужды платить дорогой ценой иностранным мастерам и не были бы у них в руках, но собственным бы трудом, собственными бы силами вносили бы свою лепту в развитие промышленности. Обладая сведениями теоретическими, и наши бы земледельцы могли бы извлекать больше пользы из тучных нив и благословенной почвы нашей родины, научились бы уважать теорию, без которой практика ничего не может сделать, и перестали бы бранить теорию, к которой все-таки под конец придется возвратиться.

Перед каждым истинно русским патриотом должен всегда носиться великий образ венценосного труженика, первого русского машиниста, инженера, врача, ученого, литератора — нашего великого Петра, первого сеятеля науки и знаний у нас в России, натершего себе трудами для блага России, для образования ее мозоли на своих царственных руках. Он двинул нас в Европу, он указал нам в ней место, указал нам на тесную связь с нею, и каждое, даже временное, отклонение от курса, предназначенного родному кораблю великим нашим кормчим прошедшего столетия, могло бы повести за собой и нравственные, и материальные недуги, от которых долго приходилось бы лечиться государственному и общественному механизму. Возблагодарим же прежде всего нашего Державного Миротворца за мир, перед сенью которого да развивается у нас истинное и благородное образование, да развивается народное богатство, да крепнет в народе чувство чести и правоты. Высочайшее разрешение приема неограниченного числа студентов в университеты. Высочайшее дозволение отправлять молодых людей для усовершенствования за границу указывают нам на путь, которым хочет Державный Вождь вести народ свой, и радостно отзывается на его призыв каждое сердце истинного патриота, истинно образованного русского гражданина. Без образования, без распространения полезных знаний нет возможности для материального благосостояния народа, нет возможности умножения народного богатства, а без последнего нет у народа и средств к образованию и нравственному развитию.